

Тоска сжимает только туже.
И утешаться нечем ей

1350

В той смерти, в горести своей.
При ней две девы пребывали,
Всегда, подобно ей, в печали.
Живя, как пленницы, в затворе,
Они ей скрашивали горе
Учтивой службой, как могли,
И в благородной к ней любви
Позабывали о тоске
Своей. Зажав ключи в руке,
Ревнивец часто появлялся.

1360

Надолго он не оставался,
Но, не затеяны ли шашни,
Следил, и целы ль стены башни.
Девы ставили на стол
Что было, так как он завел
Через окошко, не мудря,
Как в трапезной монастыря,
Заране ставить все, откуда
Те брать могли питье и блюда.
После обеда всякий раз

1370

Он выходил, как напоказ,
Гулять; но были все стези
Его протоптаны вблизи,
Ибо на кухню заходил
Он и внимательно следил
За тем, что делает жена,
И часто видел, как она
Изящно режет хлеб, жаркое
И подает своей рукою
Двум девушкам, а заодно

1380

Еще и воду и вино.
И заключен был тайный сговор,
Чтоб не проговорился повар,
Что с них шпион не сводит глаз.
Но не хватило как-то раз
Вина девицам за обедом,
И был им тот секрет неведом,
Когда из-за стола одна
Пошла к окошку взять вина.
И н'арчимбаутова засада